

Андрей Оболенский

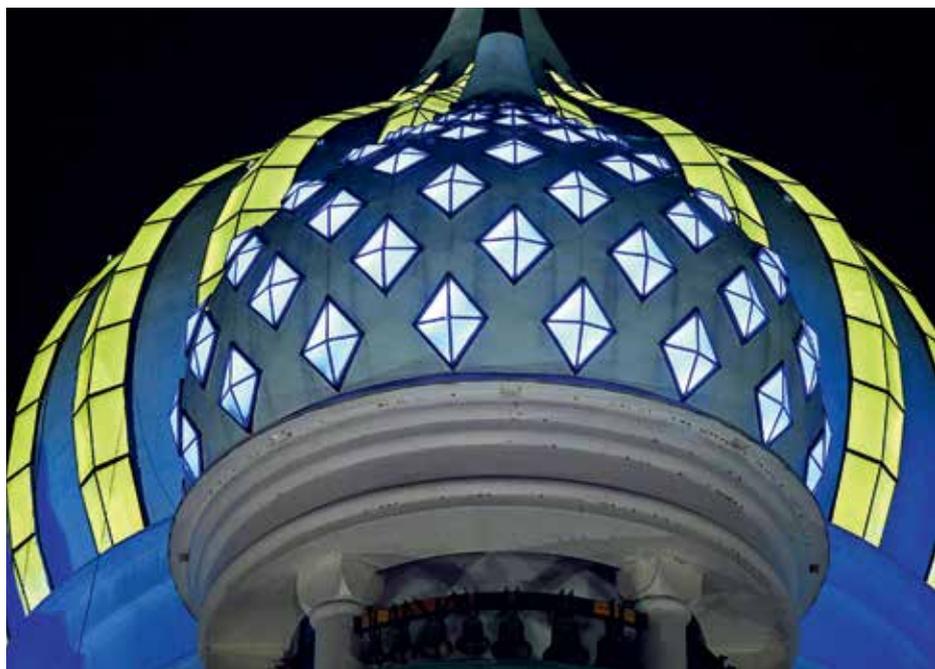
Церковь-новостройка должна сочетать традицию канона с лаконичностью современности

Ровно три десятка лет назад в России появилось первое специализирующееся на церковном зодчестве архитектурное бюро «Арххрам». Его бессменный руководитель заслуженный архитектор Российской Федерации Андрей Оболенский, построивший за эти годы полсотни храмов, в интервью «Журналу Московской Патриархии» вспоминает, где и как «процитировал» мостовую Крестного пути Спасителя Via Dolorosa, анализирует успехи и нерешенные проблемы Программы возведения новых церквей в российской столице и оценивает мировые тенденции современного храмостроительства.

По патриаршему благословию

— Андрей Николаевич, мысль сосредоточиться на проектировании православных храмов пришла к вам на переломе эпох — на рубеже 1980-х и 1990-х годов, когда почти все поголовно двинулись к новым горизонтам и едва ли не хорошим тоном считалось пренебрежение наработанными в «старое время» профессиональными навыками. Почему вы устремились именно к церковному зодчеству, где истоки предпочтения?

— В то время я работал в институте «Моспроект-2», в специализированной мастерской, создававшей музейный комплекс в парке Победы на Поклонной горе. В моей зоне ответственности была так называемая зона А — фланкирующая центральный музейный корпус дуга на высоких «ножках», где сейчас размещается картинная галерея. Но уже тогда меня тянуло к индивидуальному проектированию, где преобладали бы

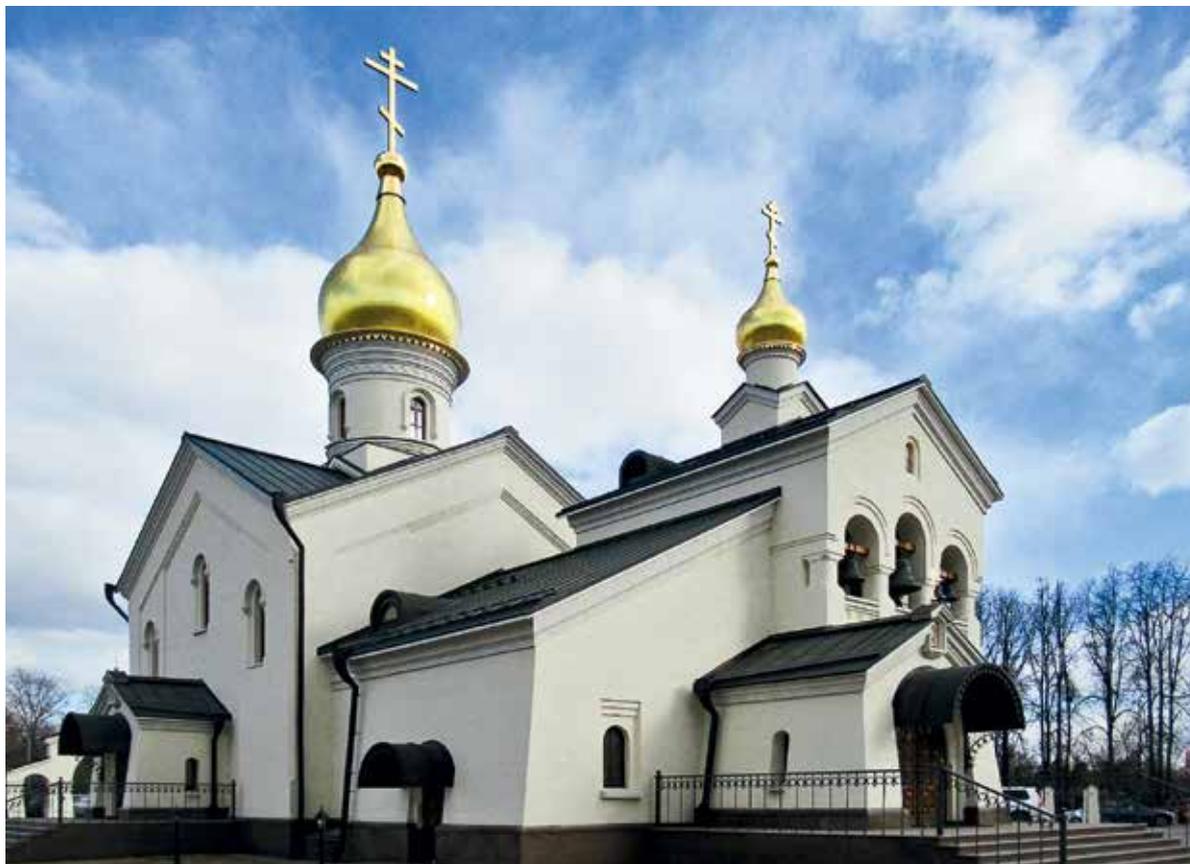

Никола-
Андреевский храм
в Павшинской
пойме.
Красногорск

высокохудожественные компоненты, произведения декоративного искусства. Постепенно это стремление оформилось в виде устойчивого интереса к церковному зодчеству. Ведь исторически именно в храмах были сосредоточены самые дорогие, эксклюзивные, эстетически совершенные творения человеческих рук.

На излете советской эпохи в стране существовала масса проектных институтов, специализирующихся на тех или иных направлениях строительства. Например, были организации для разработки проектов театров, мостов, метрополитенов, объектов здравоохранения, стадионов и т. д. Но ни одна из них — по вполне понятным историческим причинам — не «отвечала» за храмы. Осознание именно этого факта

*Казанская церковь
в Мещерском.
Москва*

на профессиональном уровне и подвигло меня к созданию архитектурного бюро «Арххрам». С детства человек верующий, я быстро увлекся этой темой. Когда же мастерская в «Моспроекте-2», занимавшаяся музеем на Поклонной горе, выполнила свою задачу и прекратила работу, мне удалось получить благословение Патриарха Алексия II на труды на новом поприще. С той минуты сомнения отпали.

— *В какой храм вы ходили в советское время?*

— Во Всехсвятский на Соколе — рядом с домом, где жил. Воспитывался в вере я вполне органично: мои родители были верующими, и это не воспринималось как-то необычно. Кстати, моя бабушка, жена церковного старосты из сергиевопосадского храма Илии Пророка, активно участвовала в открытии Троице-Сергеевой лавры в 1946 году.

— *Проблем во время учебы или на работе не возникало?*

— Бог миловал. Все же это было брежневское время, «стучали» на обычных верующих москвичей тогда гораздо реже, чем прежде.

— *Начало 1990-х годов — эпоха бурного церковного возрождения. Наверняка на вас сразу посыпались заказы...*

— Ошибаетесь. Действительно, новые приходы возникали как грибы после дождя, но в основном в переданных общинам прежде существовавших церковных зданиях. Новые храмы в начале 1990-х строились редко. И мы поначалу занимались реставрацией. Наши первые шаги были сделаны в Коломне — в Свято-Троицком Ново-Голутвином и Богоявленском Старо-Голутвином монастырях — в интересных проектах по восстановлению архитектурных памятников в историческом центре города. Потом понемногу пошли заказы на проектирование новостроек, причем поначалу не в Москве, а в регионах. Запомнился Преображенский храм, созданный по инициативе директора Лебединского горно-обогатительного комбината, который строил новый жилой район в городе Губкин под Белгородом. Поставили мы его практически в чистом поле. Но он стал центром столь мощного общественного притяжения, что буквально сами собой вокруг сформировались новые улицы, кварталы, целые микрорайоны, в том числе малоэтажной коттеджной застройки. Чин его великого освящения возглавил Патриарх Алексий II, и при этом присутствовал тогдашний Президент России Борис

Храм свв. равноап. Мефодия и Кирилла на ул. Мельникова. Москва

Ельцин. Для меня это стало ярчайшей иллюстрацией цели, к которой следует стремиться: храм может и должен становиться градостроительной доминантой даже в современной застройке.

Как сняли «проклятие» игумении

— Воссоздание Храма Христа Спасителя в середине и второй половине 1990-х годов стало одним из главных свершений общероссийского масштаба, а уж о Москве и говорить нечего. Редкая суббота в рабочем графике тогдашнего мэра столицы Юрия Лужкова, еженедельно объезжавшего важнейшие городские стройки, обходилась без планерки или обстоятельного совещания рядом с бывшим бассейном «Москва» на Волхонке. Как вы включились в эту работу и стали ведущим архитектором проекта?

— Поначалу на стройплощадке Храма Христа Спасителя наше бюро спроектировало деревянный храм в честь Державной иконы Божией Матери. Собственно, и стройплощадки-то тогда еще не было: рядом красовался бассейн, в котором плавали люди. Затем мы подготовили архитектурную концепцию воссоздания кафедрального соборного храма. Она предусматривала исполь-

зование глубины всей чаши бассейна для организации стилобата, в объеме которого размещался нижний храм (этим наше предложение выгодно отличалось от альтернативных, предусматривавших там размещение гаража с парковкой). Тогда же я предложил выбрать посвящения трех престолов нижнего храма аналогично собору бывшего Алексеевского женского монастыря, существовавшего на этом месте до 1836 года: в честь Преображения Господня, в честь Тихвинской иконы Божией Матери и во имя Алексия, человека Божия. Тем самым мы возрождали тот собор, пускай не в архитектурном, но в религиозно-мистическом смысле, словно бы снимая вошедшее в историю «проклятие» недовольной сносом монастыря игумении Клавдии.

Эту концепцию городское руководство заметило и одобрило. И генеральный директор «Моспроекта-2» Михаил Посохин предложил мне вернуться в институт — теперь уже в новую специализированную мастерскую № 12, создававшуюся специально под проектирование Храма Христа Спасителя.

— Занявшее пять лет воссоздание Храма Христа Спасителя — эпоха в лужковском

Проект
реставрации
колокольни в Шуе.
Ивановская обл.

периоде московской истории. Что из нее запомнилось больше всего?

— То была подлинная работа на износ — днем и ночью, без выходных и без праздников. Вся проектная документация шла в производство «с колес». Порой архитекторы рисовали что-то для одного угла помещения, не зная, что будет в другом, при этом по соседству уже всюду трудились строители. До сих пор для меня огромная загадка, как в итоге все сошлось. Работавшие на строительстве храма зодчие ценили свободу, которая им предоставлялась. В частности, в облицовке стен, полов, киотов, алтарей, архиерейского и Горнего места нам удалось использовать израильский доломит с места Рождества Христова. Я тогда лично объездил несколько карьеров близ Вифлеема и выбрал лучший. Мы выпускали все спецификации для местных технологов и инженеров, там они изготавливали панели под ключ и отправляли в Москву, где оставалось просто смонтировать их и закрепить. А обходную галерею я замостил, «процитировав» мостовую Крестного пути Спасителя Via Dolorosa в Иеруса-

лиме. Конечно, подражание это ассоциативное, не буквальное, но тем не менее с четким следованием прообразу.

— *С момента великого освящения Храма Христа Спасителя минуло два десятка лет. В течение уже нескольких сезонов наружную облицовку там заменяют, а крышу стилобата — внешнюю мостовую верхнего уровня — капитально ремонтируют. На ваш взгляд, это нормальный срок службы? Предусматривали ли гарантийные обязательства подрядных организаций столь быстрый износ наружных элементов?*

— Нет, конечно. Это строительный брак подрядчиков. В этом оборотная сторона высочайшей интенсивности. Мы трудились быстро и эффективно и успели к Юбилейному Архиерейскому Собору 2000 года, перед которым и состоялся чин великого освящения воссозданного собора. Однако спешка негативно сказалась на качестве. Конечно, не везде, но определенные участки пострадали.

Программа по модулю

— *После завершения работ по Храму Христа Спасителя вы продолжили руководить Архитектурно-художественным центром «Арх-храм», но параллельно остались и во главе 12-й мастерской «Моспроекта-2»...*

— Деятельность мастерской на строительстве храма заметили и высоко оценили, и вскоре нам стали поручать серьезные, ответственные объекты. Поэтому распускать сложившийся трудовой коллектив, на пике активности объединявший 120 сотрудников, было не просто неразумно, но и вредно. В частности, мы спроектировали реставрацию с элементами реконструкции мидовской высотки с достройкой нового корпуса, примыкающего к историческому. В Кронштадте воссоздан ставший главным храмом Военно-Морского Флота РФ Никольский Морской собор — детище корифея дореволюционного отечественного зодчества Василия Косякова. Теперь мало кто вспоминает, но именно 12-я мастерская «Моспроекта-2» стояла у истоков Программы возведения новых православных храмов в столице, когда мы впервые в России сделали типовую линейку модульных проектов, а Патриарх Алексей II ее благословил. Поскольку работа та была не просто научная, но

и инновационная, не все сразу поняли, о чем идет речь. Многим показалось, будто Москву собирают заставить одинаковыми «солдатиками» подобно пятиэтажкам-хрущевкам. Я же имел в виду не строительные, а проектные модули, из которых можно собирать храмы различных конфигураций и компоновок — и по пятну застройки, и по вместимости, и по внешнему виду, чтобы избежать однообразия и «типовухи» в худшем смысле слова.

Параллельно продолжалась работа в АХЦ «Арххрам». В то время, когда одни коллективы месяцами сидели без зарплаты, а другие разваливались, мы методично наращивали мускулы. Не шиковали, но стабильно трудились, постепенно завоевывая авторитет в проектировании, в том числе зданий и гражданской архитектуры. Занимались, в частности, и жилыми комплексами, а однажды спроектировали даже здание банка — печально известного «Менатеп», ныне занимаемое «Роснефтью». Заметная заслуга сотрудников нашего центра — разработка (впервые в церковно-строительной практике) двух важнейших документов: пожарных нормативов проектирования храмовых комплексов и свода правил по проектированию и строительству церковных зданий и сооружений.

Мне же лично как главному архитектору посчастливилось заниматься интереснейшими проектами, например возведением нового собора в Зачатьевском монастыре, когда фактически новодел следовало органично вписать в архитектурную ткань существовавшей много веков обители, или строительством жилого комплекса на Байкальской улице в Москве. Одним из ярчайших событий в моей творческой жизни стала работа над храмом святой великомученицы Екатерины в Риме, об истории строительства которого можно написать книгу. Никогда не забуду строительство в суровых северных условиях храма в Когалыме, светлый лиричный образ Елисаветинской церкви в Опалихе...

— Почему теперь вы окончательно сосредоточились на работе в «Арххраме»?

— История 12-й мастерской «Моспроекта-2» закончилась с фактической ликвидацией самого проектного института. Видимо, в городском руководстве посчитали, что эта структура как государственная институция себя изжила. Последним спроектированным нами под ее сенью

храмом стала Казанская церковь в московском районе Мещерское.

— Советская строительная отрасль славились системой «заточенных» под уникальные объекты специализированных проектных институтов, и вот она рушится на глазах. Исчез, к примеру, Научно-проектный институт по реставрации памятников архитектуры «Спецпроектреставрация».

Усматриваете ли вы в этом определенные риски для храмостроительства?

— Это крайне неприятная тенденция как для реставраторов, так и для авторов новостроек, и церковная архитектура не исключение. Чем был хорош «Моспроект-2»? Не выходя на улицу, там можно было спроектировать новый город. Обширная система смежников, собственный издательский отдел с типографскими мощностями, уникальные специалисты в самых разных отраслях проектирования сообща были способны решить любую архитектурно-планировочную задачу. Традиционно в зону нашей ответственности входили все кремлевские объекты. Институт спроектировал комплексную научную реставрацию Государственного музея-заповедника «Царицыно». С другой стороны, быть может, мы переживаем определенный этап исторической цикличности, когда подобные организации себя исчерпали. Время рассудит.

— По поводу Программы строительства новых православных храмов в столице можно услышать самые разные мнения, причем иногда полярные оценки звучат даже от представителей одной и той же организации. Вы возвели в рамках этой программы десять церквей. Сами-то как считаете, она состоялась?

— Как всякое большое и продолжительное дело, эту программу невозможно оценивать однозначно, да еще и с позиций максималистской безошибочности. Прежде всего, она далека от завершения. Следует учитывать, что прецедентов у подобного начинания не было. До революции в России зачастую ставились храмы одного и того же внешнего вида, и церкви, бывало, компоновались начиная от центрального объема, к которому со временем пристраивались боковые приделы (которые, к слову, и получили свое название от того, что при-дельвались). Но модульный подход в рамках рассчитанной

**АНДРЕЙ
НИКОЛАЕВИЧ
ОБОЛЕНСКИЙ**

родился в 1957 г. в подмосковном Загорске. В 1975 г. закончил Московскую среднюю художественную школу при институте им. Сурикова, в 1981 г. — Московский архитектурный институт. После срочной службы в Вооруженных силах работал в институте «Моспроект-2». В 1991 г. по благословению Патриарха Алексия II основал архитектурно-художественный центр по проектированию объектов Русской Православной Церкви «Арххрам». Заслуженный архитектор РФ (2012).

*Храм св. прав. Иова
Многострадального
на Можайском
шоссе. Москва*

на целый мегаполис концепции храмовоздательства не применялся прежде нигде и никогда. Этот смелый эксперимент совпал с переживаемой российским обществом эпохой церковного возрождения, когда отношение массового сознания к храмовому зданию как особому элементу городского ландшафта (как правило, архитектурному памятнику) стало уступать место его восприятию в качестве обычного компонента застройки. Конечно, Храм Христа Спасителя или Никольский Морской собор возвышаются над рутинными элементами пейзажа, это архитектурные шедевры. Но в каждом районе шедевр не поставишь. А у нас даже не в районе — в одном многоэтажном доме сегодня обитает население трех традиционных русских деревень.

И вот я как-то подсчитал: варьируя компонентами моих модулей, реально выстроить восемь десятков различных храмов. Можно построить столько же по индивидуальным проектам? Конечно, только потребуются или восемь десятков архитекторов, или, по крайней мере, столько же лет. А задача-то стоит иная!

Наконец, наверное, стоит вспомнить и о том, что программа отнюдь не исчерпывается про-

ектами повторного применения; она включает и работу с эксклюзивными творениями отдельных зодчих. Мне в ее рамках, к примеру, удалось воссоздать Преображенский храм в одноименном московском районе, в хрущевское время варварски взорванный под предлогом помех строительству метро. Это тоже результат, в иных условиях, наверно, труднодостижимый.

Впрочем, помимо непонимания и определенного субъективного неприятия программы критиками, ее реализация натолкнулась на объективные препятствия. Как выяснилось, сосредоточить силы на каком-то одном принципиально важном соборе мы способны. А для серийной параллельной работы на нескольких объектах, требующих высочайшего качества, сил и кадров не хватает.

Не всякое изменение — это развитие

— *Где же выход?*

— Он во времени. Надо обязательно продолжать эту практику и нарабатывать необходимый для воспитания профессиональных кадров опыт. Ведь разрушена оказалась система ПТУ. Не хватает не только качественных медников или кровельщиков — даже каменщиков и штукатуров. Что там говорить, и стену-то кирпичную нового храма не всякий рабочий сложит! Алюминиевые фасады на монолитный железобетон монтажники умеют навешивать. А чуть дело касается сложных объектов в традиционных строительных техниках — квалифицированных исполнителей поди найди. И самоучки не спасут: это не предмет художественной самодеятельности, профессионалов этому учат годами.

Но самый узкий вопрос — недофинансирование. Редко где появляется ответственный меценат, бесперебойно финансирующий стройку. Чаще же звучат предложения упростить и удешевить. Именно это, а вовсе не реализация модульного подхода и приводит к потере архитектурного облика. Все же храм не может быть совсем уж дешевым — хотя бы из-за отделки и убранства!

— *В Центральной России все больше храмов возводят, переосмысляя традиционную псково-новгородскую архитектуру. Это не грозит однообразием, как считаете?*

— Пока что тут мы далеки от однообразия. Неопсковский, как сейчас модно говорить, стиль

действительно снижал популярность, потому что он на самом деле хорош: романтичен, задушевен, да и просто красив. В нем достаточно возможностей для развития современной эстетики. Если его исполнять в традиционных качественных материалах, можно строить прекрасные храмы, мы имеем счастливую возможность это сейчас наблюдать.

— Усматриваете ли вы в современном церковном зодчестве какие-то четкие тенденции, или они размыты?

— Как и всегда, церковное зодчество развивается в тренде общей эволюции архитектуры. Сейчас этот вектор не самый радужный: повсеместное упрощенчество и примитивизм в целях экономии все чаще заставляют использовать недолговечные дешевые материалы. Развитие — вообще понятие сложное. Оно предполагает улучшение качества и появление новых, доселе неведомых граней того или иного явления. Простое же изменение во времени в погоне за различными новомодными течениями — далеко не всегда развитие!

Современный храм должен сочетать в себе каноническую традиционность с нынешней лаконичностью, продиктованной особенностями и возможностями доступных строительных материалов, инженерных и конструктивных решений. Это должен быть комфортный, функционально выверенный и нормативно грамотный проект. В его основе, несомненно, должен лежать канонический символизм в сочетании с богослужебной технологией, облеченный в органично вытекающую из него форму, эстетичное качество которой предстает мерилom авторского таланта. Искусственный же поиск чего-то новенького, оригинального, лишено опоры на традиции и смысл церковного строительства как такового — не что иное, как иллюзия развития, ведущая только к выхолащиванию творчества.

Беседовал Михаил Терентьев

Связаться с АХЦ «Арххрам» можно по телефонам: 8 (499) 251-57-46 и 8 (495) 650-25-18.

Эл. почта: ar-hram14@mail.ru

АРХХРАМ
архитектурно-художественный центр

30 ЛЕТ архитектурного опыта
40 ХРАМОВ построенных в России
60 НАГРАД церковных и государственных